Глава 101. В Норе. (Джинни)

Всю дорогу до дома Рон молчал. В принципе, замолчал он несколько поздно. Того, что он нажаловался старосте, да еще и чужого факультета, уже вполне достаточно для того, чтобы обеспечить братцу неприятности. Ало-золотой Дом храбрых, Дом Годрика Гриффиндора таких шуток не понимает. И не поймет никогда. Но до этой мысли Рону еще предстояло дойти. Пока же он переживал тот факт, что Морин Брэди, староста Хаффлпаффа, лишь только слегка пожурила нас за затемненную дверь и за Гермиону на коленях Гарри. Впрочем, последним Гермиона не прониклась. По крайней мере, «слезать и устраиваться приличным образом» она не стала, хотя и убрала затемнение со стеклянной двери…

— … и тут она стала целоваться с Лавгуд! Прямо у всех на глазах! А эта Лунатичка еще и заявила, что «так и должны вести себя настоящие наложницы»!

Ой… Оказывается, пока я отвлеклась на воспоминания, братец уже успел нажаловаться… Впрочем, скандал был изначально неизбежен. Хотя… Оно того все равно стоило. То чувство, когда я целовала Луну… Оно стоило всего: и оттока силы, из-за которого я до самого Кингс-Кросс лежала потом у нее на коленях, не делая даже попытки подняться, и грядущего скандала… И дело тут даже не в эйфории, вполне сравнимой с той, которую дарует своим последователям леди Аметист, а скорее в тех чувствах радости и удовлетворения, в которых купал нас Гарри. И пусть эта радость и удовлетворение были как-то странно замешаны на собственнических чувствах… В общем, размотать этот эмоциональный клубок и понять, что он означает — мне не удалось. Но по мозгам ударило, как будто я вина хлебнула… по крайней мере — если судить по описанному в книгах. А уж заодно — и Ронникинса взбесить — тоже приятно. Достал.

— Джинни, — обратилась ко мне мама. — Рон правду рассказывает?

— Если он рассказал, что я целовалась с Луной Лавгуд прямо перед Гарри — то правду, — ответила я, ожидая бури. И буря разразилась.

— Дочка, какая же ты у меня… — надвинулась на меня мама, — …умница!

— М-н-н?! — вот и все, что я смогла сказать, будучи сжатой в крепких материнских объятиях.

— Ревность — это отличный крючок для парней, — начала расписывать мама, — отличный… но опасный. Очень уж легко переборщить, и заставить парня вместо того, чтобы соревноваться за свое внимание с соперником — бросить «это безнадежное занятие» и «эту легкомысленную девчонку». А вот ревновать девочку к девочке — это сложнее, особенно если хоть как-нибудь покажешь, что ты не чистая «розовая», но, как минимум — «би». Так что — молодец!

— Мама! — взвился Рон, ожидавший, что мне устроят разнос и нахлобучку.

— Что «мама»? Что «мама»?! — грозно повернулась мама к нему. — Если уж у самого не получилось помочь сестре и оттащить от Гарри эту… пигалицу, то хотя бы ей не мешай! Надеюсь, у тебя не хватило ума нажаловаться преподавателям так же, как сейчас — мне с папой?!

Я промолчала. Я честно промолчала. А вот близнецы не стали.

— Преподавателям он не…

— …нажаловался, — заявили они, как всегда подхватывая друг за другом фразы. — Ни…

— …одного профессора в…

— …поезде не…

— …было. Он…

— …старосте настучал.

— Хаффлпаффа.

— ЧТО?! — это уже возмутился папа.

Несмотря на его поведение на том самом суде, где Гарри просто смял его своей яростью, тезисы Гриффиндора всегда были папе близки. И известие, что его сын настолько нарушил принципы, традиционно близки и понятные последователям Годрика — сильно расстроило его. «Своих не выдаем», «с Гриффиндора выдачи нет!» — всегда было важной частью мировоззрения гриффиндорцев.

— Рональд. Нам надо серьезно поговорить, — не повышая голоса, тихо проговорил папа, и это сильнее встряхнула младшего из моих старших братьев, чем зычный рев, какового папа, впрочем, никогда не издавал.

— Джинни, — обратилась ко мне мама, — нам тоже надо поговорить.

Как мне ни хотелось послушать то, что собирается высказать Рону папа, пришлось идти с мамой. Она утащила меня на самый верхний этаж, устроившись возле двери на чердак с упырем. Там она предварительно помахала палочкой, бормоча под нос какие-то непонятные слова. Таких чар мы еще даже близко не изучали! Впрочем, чего я хочу? Ведь я еще только на втором курсе.

Но вот мама наложила все чары, какие хотела. При этом от нее я чувствовала все нарастающую тревогу.

— Джинни, доченька… — начала мама разговор, — …до меня дошли слухи, что в школе образовался ковен демонопоклонников… — долго же эти слухи до нее доходили. Или… или кто-то посчитал выгодным поставить моих родителей в известность именно сейчас? Но кто? И зачем? — Более того… — продолжила мама, — … говорят, что ты входишь в его состав. И я хотела бы узнать: правда ли это?

— Не «демонопоклонников», а «магов Хаоса», — пожала плечами я, зажигая над ладонью восьмиконечную звезду: это было одним из первых заклятий, которыми поделилась с нами леди Аметист. Заклятие вполне бесполезное, как и пресловутый «танец ананаса», но помогающее отрабатывать базовые навыки, необходимые для овладения более сложными, но и более полезными заклятьями.

— Джинни… — мама побледнела. — Это же…

— «Хаос ужасен и коварен», — процитировала я. — Леди Аметист, принципал нашего ковена не устает нам это повторять. А те, кто решились пренебречь предупреждением — оказались в Мунго.

— Но… как ты вообще там очутилась? — охнула мама. — И зачем?

— Меня позвали, — спокойно ответила я.

— Позвали? А зачем ты пошла? — мама начинала злиться.

— Лорд Морион, сюзерен и возлюбленный леди Аметист, спас меня от Рона. Тогда, в Тайной комнате. Как я могла не откликнуться на зов?

— Не от Рона, а от Того-кого-нельзя-называть, — машинально поправила меня мама.

— Если бы у Ронникинса, — я умышленно использовала именно эту форму имени, — не было таких идей в отношении меня, то, даже будучи одержим, он выбрал бы другую девочку. Ту, в отношении которой такие идеи были.

Мама покачала головой, но по ее эмоциям было понятно, что она просто не желает спорить, считая, что у нас есть более важная тема для обсуждения.

— Тебя там заставляют делать какие-нибудь… гадкие вещи? — с тревогой спросила она.

Я вздрогнула, вспомнив, как убила человека. До сих пор не знаю: было ли это реальностью, или бредовыми видениями варпа. И правильно ли я прекратила страдания? Или только помешала спасению? Не знаю. Наверное, можно было бы спросить у леди Аметист… Но я боюсь, что задав прямой вопрос — получу столь же прямой и честный ответ. Боюсь…

— Нет, мам, — решительно ответила я. — Нас вообще ничего не «заставляют» делать. Только предлагают задания за определенную награду. И в любом случае можно отказаться, если решаешь, что задание тебе не подходить… или награда слишком мала.

— Это Хаос, — покачала головой мама. — Даже внешне безобидные действия могут затянуть тебя в бездну падения, из которой не будет возврата.

— Я знаю, мам, — ответила я. А потом подумала… Драко же никогда особенно не скрывал свою принадлежность к ковену… Даже Дамблдору передал мою записку… Наверное можно рассказать, что… — Малфой несколько раз подсказывал мне, что за некоторые «безобидные» задания, браться не стоит, поскольку их результаты могут выглядеть… предосудительно с точки зрения профессора Дамблдора — и я не бралась за них.

— Это какие такие «задания»? — заинтересовалась мама.

— Ну… например — «прийти на урок профессора Трогар с пузырьком, который выдала леди Аметист»… — ответила я. — Элвин Гейнс с Рейвенкло — до сих пор из отработок не вылезает с тех пор, как его с этим самым пузырьком в коридоре поймал сам Дамблдор. А ведь и я чуть было не повелась. Малофой остановил.

— Малфой, значит… — задумчиво произнесла мама. — Он, значит, тоже участвует…

— И особенно этого не скрывает, — ответила я. — Даже профессору Дамблдору рассказал. — И мою записку передал… но об этом — умолчим. Нечего еще и Гарри впутывать.

— Хорошо… — подняла голову мама, хотя ее настроение читалось как «чего уж тут хорошего?» — Я понимаю, что требовать от тебя прекратить посещать собрания этого ковена — было бы глупостью. Потребуют выплатить Долг Жизни — пойдешь, как миленькая, и тогда с тебя спрашивать будут совсем иначе. Но, пожалуйста, будь осторожна. Ты играешь в очень опасные игры!

— Я знаю, мама… — а что я еще могла сказать? — Я — знаю…

http://tl.rulate.ru/book/69518/1850407